

Марков Евгений Львович

Путешествие по Греции

Путевые очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Путешествие по Греции: Путевые очерки / Марков Евгений Львович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 610 с.

ISBN 978-5-519-95481-5

ISBN 978-5-519-95481-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ КІЕВА ДО БРИНДИЗИ.

I.

Вступленіе.

У меня на сердцѣ давно лежало, не скажу желаніе, а необходимая потребность посѣтить страны и народы, связанныя кровнымъ родствомъ своего рода съ Россіей и русскими. Мы, русскіе люди образованія и достатка, слѣдуя безраздумно табунному влеченію, цѣлыми годами, десятками лѣтъ тремъ по гостинницамъ и пансіонамъ Европейскихъ городовъ и курортовъ, переживая въ сотый разъ все одни и тѣ же, давно всѣмъ прѣвѣніеся впечатлѣнія, въ дѣловой привязанности своей къ хорошо протоптаннымъ дорожкамъ, къ привычнымъ условіямъ вѣшняго комфорта, и оставляемъ въ итогѣ миліоны русскихъ рублей иностранцамъ, не извлекая изъ этого для себя никакого новаго знанія, не развивая этимъ никакихъ полезныхъ намъ отношеній. А между тѣмъ ближе всѣхъ Италій, Парижей, Баденовъ и Остенде — чуть не рядомъ съ нами лежатъ почти всеѣмъ намъ неизвѣданныя, нисколько не менѣе прекрасныя и для насъ несравненно болѣе интересныя страны, населенныя народами, которые говорятъ нашимъ языкомъ и молятся нашими молитвами, въ жилахъ которыхъ течетъ родная намъ кровь.

Мы какъ верблуды чуждаемся этихъ природныхъ членовъ семьи нашей, единенье съ которыми должно было бы составить самую естественную и самую надежную силу нашу, и безразсудно отдаемъ ихъ безъ всякой борьбы влѣнію всевозможныхъ враждебныхъ и намъ, и имъ народностей.

Сербія, Черногорія, Далмація, Кроманія, Галиція, Буковина и всякія другія славянскія страны Балканскаго полуострова и Австрійской Имперіи—для большинства изъ насъ знакомы чуть ли не также мало, какъ какой-нибудь Афганистанъ или Пенджабъ. Кромѣ немногихъ нашихъ ученыхъ славистовъ, кучки дипломатовъ, да военныхъ людей, побывавшихъ въ Болгаріи и Сербіи по случаю войны,—почти никто изъ русскихъ не посѣщаетъ этихъ родныхъ намъ странъ. Частный русскій путешественникъ въ этихъ мѣстахъ до сихъ поръ такая же рѣдкость, какъ китайскій путешественникъ въ Россіи; русскаго торговца, русскаго торговца тамъ вовсе нѣтъ. Между тѣмъ Нѣмцы, Австрійцы, Французы, Англичане, даже Американцы интересуются гораздо болѣе насъ этими странами и настойчиво изучаютъ ихъ. Мудрено ли, что какою-нибудь Сербіе, не имѣющая никакихъ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеній съ русскимъ народомъ, помимо обычныхъ дипломатическихъ отношеній къ русскому правительству, поддается мало-по-малу энергическому натиску нѣмскихъ элементовъ Австріи, австрійской культурѣ, австрійской промышленности, даже австрійскому языку, на которомъ говорить каждый мало-мальски образованный сербъ.

При томъ непростительномъ забвеніи, въ которомъ русское общество оставляетъ своихъ славянскихъ братьевъ, нужно удивляться, какъ еще могло сохраниться въ этихъ народахъ глубокое чувство привязанности къ Россіи и непоколебимая вѣра въ нее, какъ въ опору славянства, — которое проникаетъ собой всякаго Балканскаго славянина, и котораго нельзя не замѣтить на каждомъ шагѣ, даже при близкомъ путешествіи по Балканскимъ странамъ.

Въ итогѣ такого ложнаго положенія вещей выходитъ то, что славяне до сихъ поръ не знаютъ Россіи, а Россія до сихъ поръ

не знаетъ славянъ. Поэтому мнѣ казалось, что даже моя слабая попытка познакомиться въ качествѣ скромнаго туриста съ наиболѣе близкими намъ славянскими народностями Балканскаго полуострова и познакомить съ ними моихъ читателей рядомъ безпритязательныхъ очерковъ того, что мнѣ пришлось бы видѣть, — была бы не безполезна, по крайней мѣрѣ, какъ примѣръ, способный, быть можетъ, вызвать на то же дѣло другихъ нашихъ туристовъ и другихъ нашихъ писателей.

Въ этихъ своихъ стремленіяхъ путешественника я невольно присоединилъ Грецію, Грековъ, къ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова. Не потому, чтобы я держался своеобразныхъ взглядовъ Фальмерайсера, признаннаго, какъ извѣстно, современныхъ грековъ не за потомковъ Эллиновъ, а почти за славянскихъ насельниковъ Морей и Элады, — но просто потому, что Греція — колыбель нашего православія, нашего духовнаго просвѣщенія, слѣдовательно та же близкая родня намъ, русскимъ, своего рода наша крестная мать. А между тѣмъ Греція намъ извѣстна еще менѣе, чѣмъ Сербія и Черногорія, Греція мы чуждаемся еще гораздо болѣе, чѣмъ славянъ, и оказываемъ на нее еще менѣе вліянія.

Кромѣ того, Греція, понятно, влекла меня къ себѣ и другими своими сторонами. Писатель-туристъ, обѣгавшій и описавшій столько южныхъ странъ: Крымъ, Кавказъ, Среднюю Азію, Палестину, Египетъ и проч., — не могъ ни въ какомъ случаѣ пропустить чудную страну, гдѣ какъ въ фокусѣ сосредоточиваются и красоты южной природы, и сокровища самой поэтической и самой поучительной исторіи.

Такимъ образомъ у меня составилъ рѣшительный планъ путешествія, такъ сказать, по своей славянской и православной роднѣ. Болгарію однако я выключилъ изъ этого плана, потому что въ ней было тогда еще слишкомъ много болѣзненныхъ явленій, съ которыми непріятно было бы сталкиваться, на которыхъ не хотѣлось бы глядѣть. Мнѣ казалось удобнѣе всего начать посѣщеніе Балканскаго полуострова съ Дуная, этой коренной сла-

ванской рѣки, на которой съ глубокой древности обитали славянскія племена, гдѣ была когда-то и «середина царства» нашего удалаго Святослана. Поэтому я направилъ свой путь черезъ Кіевъ и Одессу, хотя въ Одессѣ пришлось убѣдиться въ крайнемъ неудобствѣ Дунайскаго плаванья до Вѣлграда и возвратиться на болѣе далекій, но за то скорѣйшій путь черезъ Волочыскъ, Галицію и Вѣну...

II.

Въ Кіевѣ.

Какъ бы то ни было, а мы посѣтили прежде всего Кіевъ...

«И Кіевъ дрихлый, алатоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ», какъ великолѣпно обрисовалъ его Пушкинъ.

Кіевъ любишь действительно какъ какого-то дѣдушку, котораго характерныя черты вѣселись въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ, котораго маститую фигуру привыкъ изъ года въ годъ видѣть все въ томъ же почетномъ углу, все на томъ же старинномъ креслѣ, окруженнаго благоговѣйнымъ вниманіемъ семьи. Кіевъ-дѣдушка старухи Москвы. Суздалья, Владиміра, а не только юнаго франта Петербурга. Можетъ быть, оттого въ его пейзажѣ замѣтна какая-то наивная патріархальность, какая-то деревенская простота... Отъ него не несетъ казенцапой, солдатскою вышивкой, Улицы и кварталы его не разбитыены прямыми квадратами, какъ ученическая тетрадка карандашемъ, а вьются и лѣзятся въ своеобразныхъ извитостяхъ и спускахъ, какъ продолжала ихъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковы разнородная житейская нужда... Рѣка его, — «Дѣбнаръ широкій и глубокій» — не втиснута въ искусственныя правильныя рамки гранитной набережной, а какъ настоящая степная полудикая рѣка свободно растекается въ своей поэтической нерыццовой вольности — на песчаныхъ низинахъ, наливаетъ темные омуты въ излучахъ горнаго берега, засоряетъ себя островами и мелями; и дробитъ свою могучую ширь на многочисленныя рукава, протоки, заливы и озера...

Взглянешь на его береговыя кручи, сейчасъ подъ золотыми

макишками Лавры, — зелень, обрывы, камни, — точно вы въ какомъ-нибудь пустынномъ монастырѣ, а не у порога большого города, столицы русскаго юга. Взгляните на самый городъ сбоку изъ вагона желѣзной дороги, пробѣгающей чуть не во всю его длину, — и городъ вамъ кажется громадною красивою деревней, полною зеленыхъ садиковъ и маленькихъ разноцвѣтныхъ домиковъ, веселыхъ и яркихъ, какъ весенній день... Это особенно чувствуется теперь, когда и на дворѣ тоже стоятъ эти веселые и яркие весенніе дни... У насъ въ Курскѣ, въ Воронежѣ — вѣсто деревьевъ еще голыхъ черныхъ розга, а тутъ, на благодатномъ югѣ, да еще югѣ, такъ близкомъ къ западу — все уже цвѣтеть и зеленеетъ. Кіевъ — это по истинѣ городъ-садъ; садовъ въ немъ, кажется, столько же, сколько и домовъ; особенно, когда глядѣть на него со стороны Лыбеди, самой деревенской стороны этого деревенскаго города. Кіевъ навѣки вѣшается въ память. Кіевъ дѣлается дорогъ русскому сердцу, — конечно, не этимъ своимъ деревенскимъ и-вѣзжамъ, а тѣми живописными и характерными горными обрывами своими, на которыхъ высоко, какъ на каменномъ пьедесталѣ, горятъ, отражаясь цѣлкомъ въ рѣку, золотыя шапки его бѣлокаменной Лавры, его историческихъ монастырей и соборовъ...

Эти горы, эти бѣлые золотоглавыя церкви Кіева неразлучно соединяются въ воспоминаніи съ широкимъ раздольемъ Днѣпра, съ чудесно перекинутыми черезъ него колоссальными мостами. — и я думаю, нѣтъ другого города въ Россіи, который бы могъ сравниться красотами своего вида съ днѣпровскими берегами Кіева, гдѣ онъ виденъ путнику, такъ сказать, прямо въ лѣню, сейчасъ же послѣ того, какъ прыгавшій чугуновый драконъ пронесетъ его отъ Броваровъ своимъ сплошнымъ стѣномъ соснового бора и вынесетъ на просторъ днѣпровской низины...

Огромные каменные лѣса Броваровъ, по счастью, уцѣлѣли отъ истребленія и служатъ своего рода легкими для степныхъ окрестностей Кіева. Сюда можно, приѣхавъ дышать свѣжимъ воздухомъ изъ городского нѣкла, изъ оглобленныхъ и расклеванныхъ по-

лей. Даже когда проносишься въ вагонѣ желѣзной дороги черезъ таинственные темныя стѣны этихъ дѣсныхъ исполиновъ, что тянутся многоярусными колонадами, безъ перерыва и просвѣта, по обѣ стороны узкой дороги, то чувствуешь, какъ будто окунаешься съ головою въ какую-то невидимую глазу прохладную пучину воды...

Но еще не далеко то время, когда вѣдшіе дѣся захватывали огромную область, когда нужно было нѣсколько дней тянуться по пескамъ почтовой дороги сквозь чащи стариннаго бора. Это было когда-то цѣлое дѣсное царство, суровое и не безопасное для проѣзжаго. Военные караулы должны были развѣзывать день и ночь по дорогѣ, и почту нельзя было провозить иначе, какъ съ вооруженными провожатыми. Можно было подумать, что въ окрестностяхъ Кіева сохранялось историческое наслѣдіе тѣхъ далекихъ вѣковъ, когда Ильяша, крестьянскій сынъ изъ села Карачарова, изъ-подъ города Муромъ, боемъ пробивался черезъ дремучіе дѣся, мимо 12 дубовъ Соловья-Разбойника, къ стольному граду Кіеву, ко двору Владиміра Краснаго Солнышка.

Теперь правы переѣхались. Выѣсто Соловья-Разбойника, громче и удалѣе, чѣмъ онъ, свиститъ день и ночь по дѣсамъ и степямъ чугунный паровозъ, и отъ свиста его уже слышится на землю не листья деревьевъ, какъ въ поэтической былинѣ, а валится одно за другимъ сами эти, когда-то дремучіе дѣся.

Этотъ огневойшавшій конь новой цивилизаціи, осуществившій собой волшебнаго коня старыхъ народныхъ сказокъ, расчистилъ теперь широкія дорожки ко всѣмъ городамъ, стольнымъ и не-стольнымъ, отъ всѣхъ заставъ и разбойничьихъ становъ лучше всякаго Ильи Муромца и всякихъ сказочныхъ богатырей.

Выдубицкій монастырь встрѣчаетъ васъ, какъ древній при-
вѣтъникъ Кіева; Печерскую Лавру нельзя себѣ представить безъ Выдубицкаго монастыря. Онъ причется такъ уютно и живописно въ нижнихъ складкахъ печерскихъ скалъ, онъ такъ манитъ къ себѣ путника курчавыми садами, старинными церквами и мир-

ными домиками своих келій, что, по истинѣ, красота Кіева прежде всего — его красота. Тысячелѣтними легендами, поэзією сѣдой древности вѣетъ и отъ этого потонушаго въ горахъ монастыря, и отъ толпящихся на высотѣ храмовъ, и отъ великой исторической рѣки, омывающей ихъ подножіе. Рѣка эта — не только купаль, но и колыбель русскихъ племенъ, русскаго государства, колыбель русской поэзіи и русской вѣры, первыхъ боевыхъ подвиговъ и первой торговой предприимчивости, — тотъ «великій путь изъ Варягъ въ Греки», который былъ извѣстенъ народамъ раньше, чѣмъ стало ему вѣдомо самое имя русскихъ. Дѣтица — рѣка удѣльной Руси, рѣка Русскаго юга, какъ Волга — рѣка сѣвера, рѣка царства Московскаго.

Я всегда съ особеннымъ чувствомъ всматриваюсь и вдумываюсь въ давно опочиншіе историческіе города, съ ихъ окаменѣвшимъ прошлымъ, съ ихъ обломками вѣкозъ, давно пропавшихъ свою плесню. Въ нихъ словно застигнуты, какъ живымъ улики былаго, — и выставлены для нашего поученья — послѣдніе слѣды той далекой жизни, и по нимъ, какъ по чертамъ стараго портрета, можно читать душу ихъ, когда-то кипѣвшую своею самобытною мыслию и своими своеобразными страстями...

Кіевъ — такая же живая лѣтопись, какъ Іерусалимъ или Мекка. Среди явленій современной цивилизаціи, переноснящей теперь его, среди электрическихъ кокошъ, желѣзной дороги, телефоновъ, телеграфовъ, банкирскихъ конторъ и фабрикъ, — старые алатоглавые соборы Кіева, старая имена его историческихъ урочищъ, — всѣ эти Крашатики, Лыбеди, Золотыя Ворота, — производятъ на меня то же впечатлѣніе, какъ среди модно убраннаго дома какан-нибудь уединенная прадѣдовская комнатка, сохранившая на своихъ неказистыхъ стѣнахъ все скромное и своеобразное убранство стараго времени, — громоздкую мебель странныхъ фасоновъ, оружіе, когда-то дорогое и нужное, наивные портреты забытаго типа, забытыхъ одеждъ, медальоны, складни, ладони, когда-то бывшія здѣсь святыней, — словомъ, всю нрав-

ственную атмосферу, которую жила старая жизнь, и которая воплотилась, будто окаменела в них, в эти удивившие семейные реликвии.

Что с далекого младенчества привык слышать в шепоте лилипутных сказок, читать в своих первых детских книжках,—все эти Кий, Аскольды, Святославы, Илья Муромцы и Добрыня Никитичи со своим Красным Солнышком,—все, посторговавшая детскую душу, эпопея сказочных богатырей и исторических героев древней Руси—все она глядит на меня теперь с этих гор, все они живут здесь на этом Олимпе своем, как тени погибших богов...

Мы, люди современной цивилизации, потеряли уже внутреннюю связь с духовным миром нашего исторического прошлого, которая еще жива в нашем простом народе.

Простой народ наш еще со всею простодушною искренностью продолжает преемственность исторических преданий и вѣрованій; онъ еще связанъ съ ними тѣснымъ кровнымъ родствомъ, какъ во времена Нестора или Мовомаха.

Для него еще исполнены глубокаго смысла и наслажденья священные тайны киевскихъ пещеръ,—эти Иванны Многострадальныя, зарытыя по плеча въ землю, опускающіеся по маковой росинкѣ въ родъ; эти славники, заложенные въ стѣну, весь этотъ міръ чудесъ и сверхъ-человѣческихъ подвиговъ.

Вонъ бредутъ плѣнкомъ, рядомъ съ рельсами, Богъ знаетъ, изъ какой доли, побираясь Христовымъ именемъ, толпы богомольцевъ. Они радостно несутъ этотъ добровольный трудъ странничества, поднимаящій ихъ хотя на нѣсколько дней изъ низменной матеріальности ихъ ежедневнаго быта въ свѣтлыя области таинственнаго и идеальнаго.

Послѣ соломенныхъ кучъ и плетняшекъ ихъ деревенскаго гнѣзда, послѣ безпредѣльныхъ ржавыхъ равнинъ,—какимъ Іерусалимомъ небеснымъ изъ камней самоцѣпныхъ покажется имъ эта сияющая на зеленыхъ горахъ, среди синяго неба, надъ синей

рѣкой, бѣлая и золотая Давра, съ ея безчисленными крестами и маконками, и какіе рассказы принесутъ они о ней въ свои глухіе хутора!...

«Возсіаетъ на горахъ сихъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти, и церкви многія имать Божь воздвигнути!»—вспоминается неволью старое пророчество перваго апостола Христова, водружавшаго здѣсь первый крестъ на землѣ русской.

Теперь этимъ крестомъ, крестившимъ когда-то всю нашу необъятную Русь, осѣняющимъ ее и до сей поры,—служить уже не одно дерево, воткнутое апостоломъ почти 2000 лѣтъ тому назадъ, и не одинъ храмъ, посвященный ему, что живописно вѣнчаетъ собой самую выдающуюся скалу кіевскаго берега,—но, по истинѣ, цѣлый Кіевъ съ его Лаврою, монастырями и соборами, съ его катаномбами православныхъ подвижниковъ сдѣлался въ глазахъ народа русскаго, на страницахъ его долгой исторіи, этимъ высоковоздвигнутымъ надъ Русью крестомъ Первоизванного апостола.

Если Кіевъ издали кажется потонувшимъ въ садахъ огромною живописною деревней, то, зато, въѣхавъ въ него, вы сразу чувствуете себя въ обстановкѣ цивилизованнаго европейскаго города, которому нежеть позавидовать любой большой городъ середины Россіи, и ужь особенно могла позавидовать до послѣдняго времени старая перья Москва, только недавно подткнувшаяся и причесавшаяся по-людски... Кіевъ удивляетъ своею чистотой, вкусомъ, приличіемъ. Вездѣ введены сѣмьры, сады, фонтаны. Новые дома красной архитектуры вырастаютъ на глазахъ. Электрическая конка, первая и пока единственная въ Россіи, обѣгаетъ весь городъ и самыя отдаленныя предѣстья его. Каждый уголокъ Кіева красивъ по своему и не похожъ на другіе его уголки. Это разнообразіе видовъ, свѣтлые тоны домовъ, золотые купола церквей, роскошная зелень южныхъ деревень, мало знакомыхъ сибирянину, въ соединеніи съ солнечнымъ утромъ майскаго дня,—производить радостное впечатлѣніе...

Святая Софія Кіева—черезчуръ слабое подражаніе Византійской Софіи... Она также мало похожа на нее, какъ маленькая олеографическая картинка на огромное полотно знаменитаго художника. Ея 15 золоченыхъ главъ съ узорчатыми золотыми крестами и шпіадами, самой разнообразной высоты и величины, гораздо болѣе напоминають индійскую нагоду съ ея безчисленными рѣзными верхами, чѣмъ величественную простоту огромнаго Византійскаго купода. Наши предки, хотя и приняли отъ византійцевъ вѣру и образованіе, не даромъ, однако, были сепаратистами по крови и съ аріями Индіи. Они незаметно преобразили по своему архитектуру Византію и создали самообытный русскій стиль, даже смѣясь рабски копировать своихъ учителей. Софійскій храмъ Кіева, въ свое время казавшійся чудомъ свѣта своего рода нашимъ простодушнымъ предкамъ, теперь интересенъ только своею оригинальностью. Архитектура его дѣтски-наивна. Золотыя шапки его, сильно такъ облезлыя, помнитъ, какъ плохо спеченный артосъ; оконечки грубы и просты, какъ въ деревенской избѣ; колокольня, сквозь порѣтъ которой входятъ во дворъ храма,—какой-то уродливый формы, словно обрѣзанная снизу, и росписана во вкусѣ варварскаго великолѣпія бѣлыми алебастровыми арабесками, травами, цвѣтами и чуть ли не птицами, по свѣтло-зеленому фону...

Правда, теперешній Софійскій соборъ далеко не тотъ, какимъ Мудрый Ярославъ построилъ свой храмъ Премудрости Божіей на мѣстѣ, гдѣ онъ жестоко побилъ вѣчныхъ недруговъ Руса—печенеговъ, и которое въ то время еще не входило въ предѣлы древняго города. После Ярослава, этотъ храмъ Премудрости, бывшій метрополіей Кіева, подвергнулся столькимъ разрушеніямъ, пожарамъ и перестройкамъ, что по теперешнему его виду нельзя судить о древнемъ храмѣ. Замѣчательно, что первыми раззорителями знаменитаго храма были не печенѣги, не половцы и не татары, а православные русскіе князья, и во главѣ ихъ князь, заслужившій прозваніе Боголюбскаго. Татары уже докончили дѣло Андрея и Ольговичей. Теперешній наружный